

Атака и прорыв неприятельских укрепленных позиций.

(По опыту французского и русского фронтов).

Предугадать в настоящее время, какой преимущественно характер примет будущая война, маневренный или позиционный, невозможно и бесполезно. Но несомненно, что позиционные операции, получившие такое широкое развитие в только что закончившейся борьбе, своего века не отжили и повторятся в большем или меньшем масштабе в будущем. Это сообщение обязывает нас использовать богатый опыт только-что минувшего с целью дальнейшей тактической разработки вопроса о прорывах укрепленных позиций и о соответственной подготовке войск.

До 1914 года не существовало никаких принципов или методов атаки подобных позиций; они вырабатывались постепенно во время войны на основании опыта, причем, разумеется, сначала неизбежны были ошибки; так, например, при сентябрьском наступлении 1915 года в Шампани французы применили фалангообразный боевой порядок, оказавшийся несостоятельным, так как скученные войска терпели большие потери и не могли добиться успеха; до осени 1917 года атаке французов предшествовала длительная, иногда двух-трех дневная ураганная артиллерийская подготовка; позиции противника основательно разрушались, но элемент внезапности пропадал, и германцы успевали принять меры для противодействия прорыву; таким образом на опыте выяснилось, что в большинстве случаев выгодно сокращать артиллерийскую подготовку до нескольких часов. В конце-концов выработались известные основные принципы, применение которых дало возможность германцам вбить три ударных клина в расположение французов в июне 1918 года, а англо-французам — окончательно прорвать

знаменитую линию Гинденбурга, что в связи с разложением германской армии повлекло за собою очищение немцами Бельгии и конец четырех с половиной летней войны. У нас были неудачные опыты атак на Северном и Западном фронтах в марте 1916 г. и блестящий прорыв с разгромом австрийцев на Юго-Западном в мае 1916 года.

Система укрепленных позиций.

Чтобы уяснить себе основные принципы штурма укрепленных позиций, необходимо ознакомиться с системой этих позиций. В общих чертах она была сходна у всех борющихся, различаясь лишь в деталях ¹⁾.

Укрепленные позиции состояли из 2 или 3 укрепленных *полос* на расстоянии 3—4 верст одна от другой с тем, чтобы противник не мог обстреливать артиллерийским огнем одновременно две полосы. Оборудование первой полосы производилось полностью и она занималась всеми войсками, назначенными для обороны данного участка фронта. В двух следующих полосах работы доводились до той степени оконченности, которую допускало время; очень часто в третьей все ограничивалось глубокой трасировкой окопов и расчисткой обстрела. В этих двух полосах оставались лишь караульные и рабочие команды.

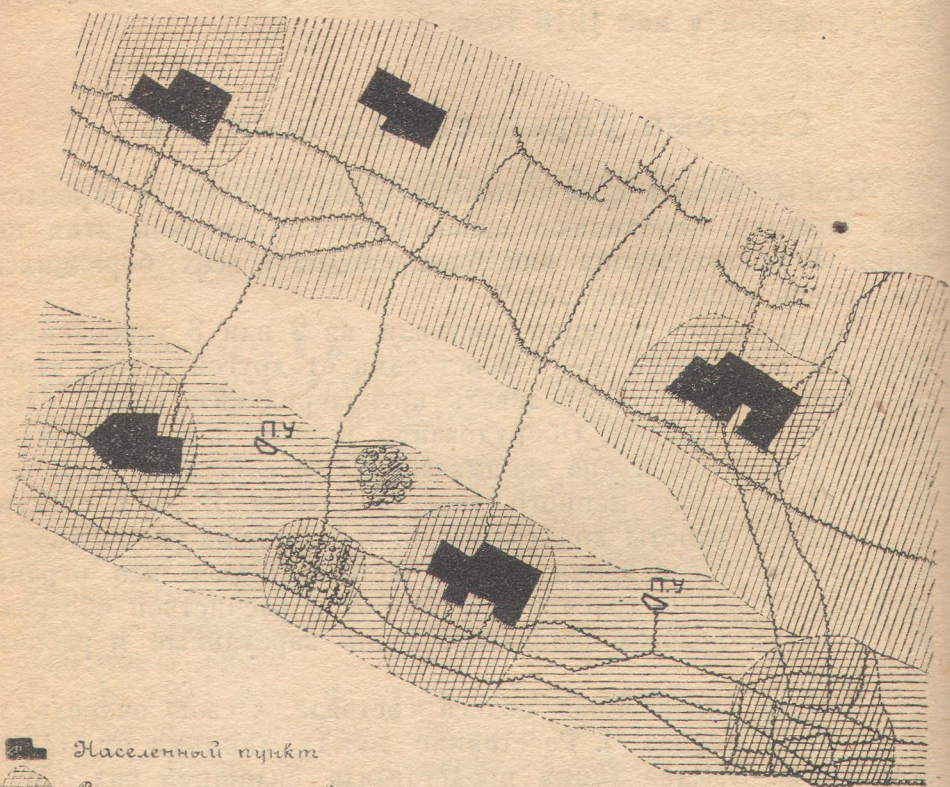
Каждая укрепленная полоса состояла, в свою очередь, из 2—3 *линий* окопов ²⁾. Расстояние между линиями от 100 до 300 шагов. Каждая линия представляла сплошной ряд окопов и фланкирующих друг друга опорных пунктов или узлов сопротивления, в 1.000—2.000 шагах один от другого. Окопы прикрывались одной или несколькими полосами проволочных заграждений. Опорные пункты состояли из приведенных в оборонительное положение деревень, кладбищ, рош и т. п., или же из целого сплетения окопов более сильной профили с бетонированными сооружениями, орудийными башенными установками и пр. В промежутках между опорными пунктами иногда возводились, или в самой линии окопов, или немного позади ее, небольшие сомкнутые полевые укрепления.

В начале позиционной войны 1-я линия предназначалась для упорной обороны и занималась соответственным количе-

¹⁾ См. схему.

²⁾ Отнюдь не следует смешивать *полосы* с *линией*; вторая составляет только часть первой.

ством войск. Во время артиллерийской подготовки атаки противником эти войска несли большие потери; поэтому впоследствии германцы выводили из них войска во 2-ю линию, оставляя

- Населенный пункт
- Район опорного пункта
- Окопы 1-й полосы; ходы сообщ.
- Окопы 2-й полосы
- Район 1-й укрепленной полосы
- Район 2-й укрепленной полосы
- П.У. Промежуточное укрепление.

Схема германской укрепленной позиции.

в 1-й только наблюдателей и небольшие команды. С потерей первой линии немцы мирились; но когда атакующий, заняв ее, приостанавливался для приведения себя в порядок, а его артиллерия поневоле должна была прекращать огонь, германцы пользовались этим моментом для производства контр-атак против частей, занимавших первую линию. Примеру немцев последовали и мы.

С потерей первой линии немцы мирились; но когда атакующий, заняв ее, приостанавливался для приведения себя в порядок, а его артиллерия поневоле должна была прекращать огонь, германцы пользовались этим моментом для производства контр-атак против частей, занимавших первую линию. Примеру немцев последовали и мы.

Особенности атак на укрепленные позиции.

Атака укрепленной позиции характеризуется некоторыми особенностями, присущими только ей, в отличие от маневренной атаки.

1. В позиционной войне всякая наступательная операция сводится к захвату не одной позиции противника, а к штурму не менее двух, а иногда и трех укрепленных полос; штурм же каждой полосы требует весьма тщательной и продолжительной подготовки. Следовательно, *вся операция принимает сложный и затяжной характер.*

2. Захват одной линии окопов не обеспечивает еще победы над противником, так как, подведя резервы к следующей линии, он может контр-атакой отбросить нас и свести к нулю все предыдущие успехи атакующего. Необходимо овладеть целой укрепленной полосой. Следовательно, *штурм каждой полосы не может быть постепенным; его надо закончить в один прием, по возможности в один день, иначе противник, пользуясь нашей передышкой и могущественными средствами обороны, получит перевес над атакой.*

3. Во время штурма атакующий несет большие потери, части его в неприятельских окопах и ходах сообщения перемешиваются, порядок нарушается, управление становится невозможным. Вследствие этого войсковая часть, уже совершившая прорыв или остановленная сопротивлением противника до захвата всей его атакованной укрепленной полосы, не может считаться боеспособной; вливание в нее резервов не достигает цели и новый удар, новый натиск должен быть произведен новыми частями. *Расстроенные и ослабленные боем полки надо не подкреплять, а сменять, отводя их в резерв, а при возможности и в более глубокий тыл для приведения в порядок и отдыха.*

4. Из только что сказанного вытекает *необходимость эшелонирования войск в глубину и наличие сильных резервов.*

Подготовка атаки.

Атаке должна предшествовать самая тщательная подготовка, слагающаяся из следующих действий.

1. Сбор данных, необходимых для составления плана атаки. В этой работе принимают участие пехота, артиллерия, инженерные войска и летчики.

2. Специально артиллерийская подготовка.

3. Специально инженерная подготовка.

1. *Разведка неприятельского расположения и местности* должна быть самая основательная и вестись непрерывно. Необходимо выяснить, главным образом, месторасположение неприятельских батарей и пулеметов, проволочных заграждений, фланкирующих построек и убежищ; значение этих мест важно как для пехоты, которая атакует их, так и для артиллерии, которой предстоит обстрелять и обезвредить их. Наибольшие потери пехоте наносят пулеметы, скрытые до атаки и скашивающие затем целые ряды. Каждый ротный командир, находящийся в первой линии окопов, обязан изучить неприятельскую позицию перед своим участком не только с фронта, но и сбоку, отмечая на своем плане (по возможности крупного масштаба) места всех обнаруженных пулеметов. Если последние находятся в линии окопов, то их легко распознать по бойницам, имеющим больший размер, в особенности в ширину, чем бойницы ружейные. Очень часто противник ставит пулеметы в своих входящих углах, чтобы обстреливать фасы; иногда пулеметы выносятся вперед в небольшие окопы, соединенные с главными особыми ходами сообщения; такие пулеметы очень трудно распознать спереди. Если перед фронтом противника тянется, перпендикулярно или наискось к нему, лошина, можно быть уверенным, что по оси ее расположен пулемет. Наконец, если местность допускает двухъярусную оборону, то пулеметы надо искать позади первой линии, на гребне или на скате, обращенном в нашу сторону.

Периодически разведка неприятельского расположения производится пехотными офицерами совместно с артиллерийскими, в сферу обстрела коих входит это расположение. При подготовке майского наступления Юго-Западного фронта в 1916 году очень большую пользу в определении мест неприятельских батарей и пулеметов принесли фотографические снимки летчиков: на них довольно резко выделялись окопы и маски батарей, а также пулеметные гнезда.

В отношении проволочных заграждений пехотные и артиллерийские офицеры определяют, где и каких размеров проходы должны быть проделаны в них.

Пехотные офицеры с инженерами и начальниками броневых автомобильных отделений (танков) отмечают местные препятствия на пути атаки и принимают меры для своевременного устранения их.

2. *Специально артиллерийская техническая подготовка* заключается в выборе и соответственном оборудовании позиций для батарей и мест наблюдательных пунктов. Последние должны быть двоякого вида: а) для отыскивания целей, в особенности неприятельских батарей; такие пункты подчиняются командирам артиллерийских бригад или групп, могут быть сравнительно далеко от первой линии окопов, но должны обладать широким кругозором; б) для корректирования стрельбы; они подчиняются командирам батарей или дивизионов; в виду же необходимости точных наблюдений даже в пасмурную погоду надо располагать их ближе к противнику. Выбор и оборудование позиций производятся на общем основании.

3. *Специально инженерная подготовка* заключается:

а) В устройстве исходной для атаки параллели шагах в 150—300 от противника, чтобы атакующие могли броситься на штурм назначенных им целей фронтальным движением и с расстояний, не превышающих указанных цифр; конечно, вся эта работа отпадает, если расстояние между противными сторонами не более 300 шагов.

б) В возведении плацдармов для укрытия резервов до ввода их в бой; желательно, чтобы расположение в плацдармах не вызывало дробления войсковых единиц, допускало быстрый выход к пункту сбора и было возможно менее заметно со стороны противника.

в) В устройстве ходов сообщения между плацдармами и исходною для атаки линиею окопов.

На обдуманное и правильное устройство ходов сообщения на русском фронте обращалось мало внимания, что иногда приводило к очень неблагоприятным последствиям. Так, 14/27 сентября 1916 года германцы решительно атаковали 10 сибирскую стрелковую дивизию и выбили из окопов, нанеся ей громадный урон. С нашей стороны была сделана попытка восстановить положение, для чего были двинуты вперед резервы; они пошли по ходам сообщения, причем некоторые части столкнулись с отступавшими; произошло столпление, беспорядок, и нервность отступавших быстро передалась резервам, подорвав их боеспособность. Некоторые поддержки заблудились в ходах сообщения, так как не знали их расположения, а указателей (надписей) не было.

В виду сказанного не лишним будет вспомнить главные правила при устройстве ходов сообщения.

Ходы, идущие на всем протяжении укрепленной полосы, называются главными или магистральными, прочие — второстепенными. Каждый ход должен иметь свой номер или наимено-

вание ¹⁾. На перекрестках должны быть установлены особые знаки для отличия магистральных ходов от второстепенных ²⁾.

Движение по ходу допускается лишь в одну сторону, которая и должна быть наглядно указана, например, стрелками.

В боковых отлогостях ходов через определенные промежутки устраиваются ступеньки для выхода наружу. Следует также в промежутках между означенными выходами настилать по верху хода мостики, чтобы переходить через ход, не спускаясь в него.

Все ходы должны иметь таблички с надписями и знаками; они могут быть различного цвета для отличия. Таблицы вывешиваются у начала и конца ходов, на перекрестках и у ступенек.

У каждого ротного, батальонного и полкового командира должен быть план ходов его участка.

Для обслуживания ходов, т.-е. для наблюдения за порядком и чистотою их, назначаются особые команды, преимущественно из слабосильных.

Инженерные части обязаны оказать всемерную помощь артиллерии и пехоте в установке между ними телефонной и оптической связи. На ней основано взаимодействие этих двух родов оружия, без которого немислим успех атаки. Пехотные офицеры должны твердо знать, каким номером или названием обозначена каждая артиллерийская цель, и получить от артиллеристов копии с их перспективных чертежей. Начальствующие лица обязаны чаще проверять слаженность связи и меры, принятые для поддержания ее при движении в атаку.

Производство атаки.

Атака укрепленной позиции слагается из двух актов:

А. — Огневой ее подготовки артиллериею, расчищающей пути пехоте.

Б. — Занятия неприятельской позиции живою силою, т.-е. пехотою, при содействии артиллерии.

А. — Подготовка атаки огнем артиллерии.

До начала штурма артиллерия должна выполнить следующие задачи:

а) Пробить проходы в проволочных заграждениях противника.

¹⁾ У французов магистральные ходы обозначались буквой, присвоенной корпусу; например: А¹, А², А³, или В¹, В², В³, второстепенные ходы — буквой S (Secondaire) и цифрой, напр: S¹, S², S³, параллельные — буквой Р и цифрой, напр, АР¹, АР².

²⁾ У французов поперек второстепенного хода сбоку набивались деревянные поперечные бруски или насыпались поперечные валики.

- б) Заставить замолчать его артиллерию.
- в) Уничтожить обнаруженные неприятельские пулеметы.
- г) Нанести возможно большие потери его пехоте.
- д) Скрыть или завалить его оборонительные сооружения.

Выполнение этих задач, в особенности указанных в пунктах а и в, требует точной стрельбы и корректирования, если не каждого, то во всяком случае возможно большего числа выстрелов. Разумеется, пристрелка должна быть произведена тотчас по выборе пункта атаки и затем периодически проверяться, стараясь, однако, не возбудить внимания противника.

Как сказано выше, до 1917 года французы производили многодневные подготовки атак артиллериею; с 1917 года они заменили их короткими, в течение от $\frac{1}{2}$ часа до двух—трех часов, чем достигалась внезапность атаки. В наших армиях определенного взгляда на этот вопрос не было, и в то время, как в мае 1916 года в 8. армии артиллерийская подготовка длилась сутки, в соседней 11. армии она производилась в течение только шести часов; в обоих случаях результаты были отличные. На многодневные подготовки у нас не хватало снарядов.

а) *Пробитие проходов в проволочных заграждениях* производится с успехом нашей полевой пушкой при условии оставления каждого орудия нацеленным в одну точку заграждения и при надлежащей досягаемости выстрелов. В июле 1916 года гвардейская артиллерия заняла позиции почти на пределе от заграждений, и, конечно, проходы оказались или вовсе не пробитыми, или плохо расчищенными; гвардейской пехоте пришлось грудью разбивать их и, не достигнув успеха, отступить с большим уроном. Пехота не должна рассчитывать на полное уничтожение заграждений; но пока проходы не проделаны, *пущать пехоту на штурм не следует* во избежание неудачи и крупных потерь.

У англо-французов при условии кратких, например, получасовых подготовок атаки, пробитие проходов, невыполнимое для артиллерии, возлагалось на танки.

б) *Борьба с неприятельской артиллерией* имеет целью или уничтожение ее, или принуждение к молчанию. Первое, т.-е. уничтожение артиллерии противника, требует большой точности стрельбы и времени; второе достигается легче и скорее при условии частой стрельбы (в среднем по два выстрела в минуту на каждое неприятельское орудие); град снарядов заставляет прислугу укрываться, нервирует ее; стрельба противника делается суетливой, теряет меткость, часто прерывается, а иногда

и вовсе прекращается. Во время майского наступления 1915 года французов в Шампани, германская артиллерия была настолько удачно обстрелена, что оказала очень ничтожное содействие своей пехоте. Обратный пример представляют действия немецкой артиллерии под Лангемарком 21 нояб./4 декабря 1915 года: не сдерживаемая французами, она нанесла им серьезные потери уже в исходных для атаки параллелях.

Самый легкий способ нейтрализации неприятельской артиллерии—стрельба по ней снарядами с удушливыми газами. Германцы часто применяли этот способ на нашем фронте с большим успехом для себя (между прочим, и под Ригой в августе 1917 года).

в) *Уничтожение неприятельских пулеметов*, обнаруженных при разведке, не представляет особого труда. Надо только приступить к разрешению этой задачи не заблаговременно, а в день атаки, иначе противник успеет переместить свои пулеметы.

Сбитие пулеметов выгоднее всего поручать не батареям, стоящим на позициях за пехотою, а орудиям, поставленным в самых окопах, т.-е. траншейным, или, по неимению их, горным; скрытые до начала атаки, они выносятся непосредственно перед наступлением и прямым прицельным огнем с коротких дистанций расстреливают пулеметные гнезда до полного разбития их.

д) *Ослабление неприятельской пехоты*. Во время огневой артиллерийской подготовки штурма противником, австро-германские войска скрываются в глубоких, зачастую блиндированных, убежищах, которые не всегда удается разрушить. Между тем для атакующего, разумеется, важно численно и морально ослабить обороняющегося. Существует два приема, чтобы заставить неприятеля выйти из убежищ и нести потери во время невызываемого действительною надобностью занятия траншей.

1. Прерывать бомбардировку промежутками затишья, в особенности в период, непосредственно предшествующий атаке; в это время пехота атакующего должна открыть ружейный огонь и кричать „ура“, заставляя противника предполагать, что штурм начался; неприятель выходит из убежищ и тогда артиллерия наступающего открывает по нем ураганный огонь. Под Аррасом в 1915 году французские батареи замолкли на десять минут, но тишина получилась абсолютная и германцы в обман не дались, оставшись в убежищах. Перерывы в артиллерийском огне практиковались успешно и на наших фронтах, Западном и Юго-Западном.

Если расстояние между окопами противников достаточно, чтобы не рисковать попаданием в свои части с первых же шагов их наступления, атакующий может усилить уверенность противника в том, что штурм начинается, выскакивая из своей исходной параллели и даже продвигаясь немного вперед, а затем, с открытием ураганного огня его артиллерией, возвращаясь в параллель. С сущностью и целью подобного маневра войска должны быть ознакомлены заранее, иначе отход может отразиться неблагоприятным образом на их наступательном духе.

2. Обстреливать противника снарядами с удушливыми газами, медленно стелющимися по земле и выкуривающими врага из убежищ, т. е. применить способ, практикуемый охотником, чтобы вызвать зверя из логовища. К этому неоднократно прибегали германцы на французском и русском фронтах.

г) *Разрушение неприятельских оборонительных построек* производится на общих основаниях, причем для разрешения этой задачи пригодны все виды артиллерии в зависимости от крепости построек. Однако, по наблюдениям французских пехотных офицеров, для срытия неприятельских окопов более пригодна воздушная мина, чем артиллерийский снаряд: обладая достаточной разрушительной силой, первая разворачивает окопы, срывает их, заваливает входы в убежища, замуровывая засевших там; громом разрыва, сотрясением воздуха и почвы она убивает энергию обороняющегося и производит на него сильное устрашающее действие.

Вот что говорит, например, капитан 153. пехотного французского полка Лаффарг, в течение 9 месяцев участвовавший в позиционной войне¹⁾: „Во время атаки 26 апр./9 мая окопы противника перед фронтом 3. и 4. взводов моей роты сильно обстреливались нашей артиллерией и в особенности минометами, между тем, как окопы перед 1. и 2. взводом подвергались только артиллерийскому огню. В результате 1. и 2. взводы тотчас после выхода из своей траншеи были встречены яростным ружейным и пулеметным огнем немцев, выскочивших из закрытий, и начали быстро таять; 4. взвод достиг неприятельских окопов и, перевалив через них, продолжал наступление; 3. взвод был встречен лишь несколькими ружейными выстрелами и легко овладел окопами“.

Следовательно, подготовка атаки первой линии окопов может быть произведена одними минометами; разумеется,

¹⁾ „Etude sur l'attaque dans la période actuelle de la guerre“. André Laffargue.

число их должно быть достаточно, примерно — по одному на каждые 150 шагов фронта.

Для разрушения закрытий особенно выгоден фланговый и косой огонь артиллерии; но он применим только в подготовительный период, во время же самого штурма его нельзя допустить во избежание поражения своих войск.

Относительно подготовки атаки опорных пунктов надо заметить, что существенно важно разрушить их окраину, так как атакующему сравнительно легко пробить промежутки между ними, но затем он попадет под фланговый огонь опорных пунктов; а штурм узла сопротивления — не легкая задача. Если достигнуть разрушения окраин невозможно, то надо, по крайней мере, нейтрализовать опорный пункт, обстреливая его дымными снарядами.

Последние выстрелы артиллерии по 1. линии неприятельской позиции должны производиться непосредственно перед пехотной атакой, чтобы наши части могли выскочить из окопов и начать движение, пока не рассеялся дым и пыль от разрывов снарядов, а противник не успел выйти на свою линию огня.

Б) Атака пехоты.

Время атаки пехоты назначается старшим начальником; оно не может быть в точности определено заранее, так как зависит от успеха пробития проходов в проволочных заграждениях.

Общий вид атаки. — Чтобы овладеть укрепленной полосой, пехота должна быть эшелонирована в глубину.

1. эшелон¹⁾ (французы называют его „штурмовым“) состоит из нескольких волн или перекатов, предназначенных для нанесения первого, главного удара, и из их непосредственных подержек; подчиняется командирам полков, входящих в его состав.

2. эшелон (по французской терминологии, не вполне правильной, „подкрепляющий“) предназначается для продолжения штурма с того рубежа, на котором 1 эшелон был остановлен сопротивлением противника; следовательно, он довершает удар 1 эшелона, заменяя его и отчасти увлекая за собою, но отнюдь не сгущая и не усиливая первого; подчиняется командирам бригад. По численности составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ первого, который, как выяснено из боевого опыта, теряет до остановки около $\frac{1}{3}$ своего состава.

3. эшелон или резерв, находящийся в распоряжении начальника дивизии или командира корпуса, подталкивает атаку, сменяя

¹⁾ Или линия.

расстроенные части 2. эшелона; обеспечивает первые два эшелона от случайностей, и предназначается для маневра после захвата всей укрепленной позиции противника.

Артиллерия, т. е. те батареи, которые будут двинуты за атакующими, способствует их дальнейшему продвижению и отбитию неприятельских контр-атак.

Г. Боевой порядок и способ действий первого эшелона зависят от удаления противника, причем различаются два случая:

1) Если до противника, примерно, 150 шагов или менее, то роты наступают развернутыми, с разомкнутыми, рядами; интервалы между людьми зависят от величины ротного участка по фронту, в среднем от 1 до 5 шагов. Таким образом из роты образуется одна волна. При узком ротном участке рота эшелонируется по полуротно, образуя две волны, шагах в 50 одна от другой. Идут стрелковым шагом, не открывая огня.

2) Если до противника более 150 шагов, рота высылает стрелковую цепь из одного рассыпанного взвода или из отборных хладнокровных людей, выделяемых от всех взводов. В 60—75 шагах за цепью идут роты в том же строю, как в предыдущем случае. Следовательно, каждая рота даст две волны (цепь и рота) или три (цепь и две полуроты).

В данном случае за дальностью расстояния захватить противника врасплох не удастся, он, несомненно, откроет огонь. Конечно, трудно требовать, чтобы роты, идущие открыто и расстреливаемые противником, которого они видят, не ответили сами огнем; стрелять они начнут, а это внесет некоторый беспорядок в атакующей линии. Назначение стрелковых цепей, идущих впереди рот, заключается именно в том, чтобы прикрыть их своим огнем, роты же будут наступать, не стреляя.

В батальоне обыкновенно три роты идут в первой линии, образуя волны, как только что указано, а одна рота следует сзади в виде поддержки. В полку 3 батальона в одну линию (волны с батальонными поддержками), а один—сзади в виде полкового резерва.

Поддержки наступают змейками, разворачиваясь по мере надобности, в зависимости от обстановки.

Каждая волна должна выходить из исходных окопов в назначенный час (часы должны быть сверены) вся одновременно, чем достигается большее нравственное воздействие на противника и разделение его заградительного огня¹⁾. Движение совершается стрелковым шагом, постепенно учащаемым. На открытых

¹⁾ Тоже правило должны соблюдать поддержки.

и особенно сильно обстреливаемых участках наступление может производиться перебежками. Длинные редкие перебежки выгоднее коротких частых, так как остановки уменьшают порыв людей.

При движении желательно соблюдение полного равнения, как обеспечивающего порядок и укрепляющего в людях уверенность во взаимной поддержке. Наблюдение за равнением лежит на обязанности замыкающих унтер-офицеров.

С 80 шагов бросаются в штыки.

Выбив противника из окопов, роты, не задерживаясь в них, выходят на несколько шагов вперед, быстро приводятся в порядок, причем в это время могут стрелять по отступающему противнику, а затем продолжают тем же порядком штурм второй линии окопов.

Части, которым удалось прорваться в интервал между двумя опорными пунктами, не должны увлекаться преследованием противника: вдавшись клином в его расположение, они рискуют быть стиснутыми с флангов и своим критическим положением скомпрометировать успех всей операции. Смелое движение вперед допустимо, если прорыв расширен, т.-е. если атакующим войскам удалось проникнуть в 2—3 рядом лежащих интервала и сомкнуться впереди; тогда опорные пункты будут изолированы, как затопленные островки, а фланги прорвавшихся частей—менее чувствительны к неприятельским охватам и ударам.

Конечные цели для каждой части должны назначаться возможно дальние, лучше всего за первой укрепленной полосой противника. Соблюдением такого правила достигаются две цели: во-первых, войска побуждаются своевременно, еще до атаки, наладить разведку не только первой линии неприятельских окопов, но и последующих, что, несомненно, ускорит и облегчит их атаку; во-вторых, этим подогревается наступательный порыв атакующих.

Каждая последующая волна должна выходить из исходной параллели, когда предыдущая подходит к неприятельским окопам; преждевременное выступление может повлечь за собою перемешивание волн и несвоевременный ввод в бой сзади идущих, без пользы для дела.

Пока не захвачена вся укрепленная полоса противника, движение поддержек по ходам сообщения должно быть безусловно воспрещено во избежание того, что произошло при нашей попытке восстановить положение 10. Сибирской стрелковой дивизии, сбитой германцами 14/27 сентября 1916 года ¹⁾.

¹⁾ Стран. 101—я.

Весьма возможно, что при штурме первой или второй линии окопов, атакующий будет встречен огнем таких пулеметов, которых не удалось обнаружить при предварительной разведке. Капитан Лаффарг описывает такой случай: „9 мая остатки моей и соседней роты, всего около 80 человек, подошли в 11 часов на 300 шагов к кладбищу селения Нейвильсен-Вааст. Кладбище не было занято противником, на поле боя не было немцев и лишь вдали видны были спасавшиеся бегством батареи. Только на мельнице оставалось два немецких пулемета; но даже это ничтожное число на обширном поле оказалось достаточным для противодействия атаке; роты не могли продвигаться вперед. С трудом сообщили об этом артиллерии; ей пришлось действовать в обстановке полевого, а не позиционного боя; огонь она открыла долго спустя, причем ошиблась в определении места цели. И вот на глазах моих озлобившихся людей пустынное дотоле кладбище наполнилось немцами. Четыре часа спустя на кладбище повел наступление 146 пехотный полк; пулеметы скосили его; на следующий день его сменил 229 полк и подвергся той же участи после очень незначительного продвижения вперед“.

В виду подобных случаев необходимо, чтоб за каждым эшелонем следовали его пулеметы. Они могут принести громадную пользу при атаке, если будут своевременно открывать огонь по неприятельским частям, оказывающим особенно сильное сопротивление. При этом ставить пулеметы, которые по небольшим размерам легко укрываются за самой незначительной складкой местности, надо не на линии пехоты, малейшее передвижение которой может закрыть для них обстрел, а впереди ее. К сожалению, в нашей армии смотрят на пулеметы, как на орудие не столько наступательного боя, сколько оборонительного; на театре войны были даже такие полки, которые из боязни потерять пулеметы при малейшей опасности отправляли их в обоз.

Выше было сказано, что при захвате неприятельских окопов атакующий не должен задерживаться в них. И на англо-французском и на нашем фронте были случаи, что уцелевшие в убежищах германцы и австрийцы открывали огонь в спину нашим частям, вышедшим перед взятый окоп. Против этого должны быть приняты меры. Во французской армии окончательная очистка захваченных траншей возлагается на особые команды „чистильщиков“, избираемых преимущественно из бесшабашных головорезов. Опираясь на выработанную для них особую, довольно суровую инструкцию, чистильщики не церемонятся с врагом; так например, при

атаке 21 декабря 1915 года Гартманвейлерскопфа чистильщики 5. стрелкового батальона не взяли ни одного пленного, между тем как в соседнем 153. полку и 21. стрелковом батальоне, где чистильщиков не было, пленными захвачено 1.300 человек. В нашей армии никаких общих правил по этому вопросу не существует.

За чистильщиками следуют рабочие команды для перелицовки окопов.

II. Боевой порядок и способ действий второго эшелона.

Задачи второго эшелона. Овладеть одним или двумя рядами неприятельских окопов при условии основательной предварительной подготовки артиллерии, хорошего знания местности и расположения противника—задача не особенно трудная. Но при дальнейшем наступлении обстановка складывается все хуже и хуже: результаты артиллерийского огня менее благоприятны, местность и положение неприятеля почти неизвестны, части ослаблены потерями, люди нервничают, опасаясь внезапного открытия огня неприятелем, засад и т. п. Весьма возможно, что при таких условиях и при стойкости противника 1. эшелон не решит полностью данную ему задачу и, потеряв порыв, не овладеет всею первою укрепленною полосой. Довершить его работу, вытеснить неприятеля из ее района—такова будет в этом случае задача 2. эшелона. Он должен *заменить* первый, что производится обычным порядком, преимущественно ночью.

Возможен, однако, и другой случай: несмотря на тяжелую обстановку, 1. эшелон захватил всю первую укрепленную полосу. Конечно, он не будет уже в состоянии штурмовать вторую полосу; его надо *сменить* свежим 2. эшелоном, притом не теряя времени, не давая передышки противнику; и для этого 2. эшелон проходит сквозь расположение 1-го, немедленно высылая вперед разведывательные части и артиллерию.

Иногда на долю частей второго эшелона выпадают частные задачи, например: окончательно сломить сопротивление какого-либо опорного пункта; оказать содействие в отражении контр-атаки противника на известном участке, и т. п.

Необходимость второго эшелона не может быть оспариваема. Между тем при наших атаках его не существовало: части, которые должны были бы образовать его, попадали в резерв старшего начальника. Последний не может быстро разобратся в боевой сутолоке, долго выжидает выяснения обстановки для того, чтобы целесообразно выдвинуть свой резерв. В итоге резерв запаздывает, и мы не только не в состоянии развить достигнутый успех, выражающийся в захвате 1—2 линии окопов, но не можем даже удержать взятое за собою.

Подобные факты не раз повторялись на наших фронтах, не исключая периодов наибольших наших успехов, например, в 1916 году на юго-западном фронте (части 2 армии и XVI корпус 7. армии 13/26 сентября, XXXX корпус и гвардия 3/16—4/17 сентября). К тому же резерв лишь усиливал, сгущал первый эшелон, а не заменял его; мы не хотели верить, что часть, потерявшая порыв вследствие сопротивления неприятеля, уже не способна одержать успех; мы не признавали опытных данных, добытых французами в 1915 году и выразившихся в следующих словах Жоффра: ¹⁾ „Не может быть речи о том, чтобы просто усилить боевую линию и возобновить свежими войсками попытку, уже раз неудавшуюся; наоборот, прежде всего надо сменить дивизию первой линии“.

Состав и сила второго эшелона.—В виду неблагоприятной обстановки, в которой приходится действовать 2. эшелону, учитывая притом долгое и пассивное его стояние под неприятельскими выстрелами, убивающее бодрость в людях, нельзя назначать в состав его худшие части; между тем на французском фронте вначале делали именно такую ошибку; а у нас в резерв постоянно посылали менее надежные войска, например, полки вновь сформированные или развернувшиеся из резервных частей.

По изложенным выше соображениям, численность второго эшелона не должна очень отличаться от численности первого: 2/3—3/4, вот примерное соотношение.

Место и боевой порядок 2. эшелона. Войска второго эшелона располагаются последовательно в плацдармах и в исходных параллелях по мере того, как те и другие очищаются I. эшелоном. Начальники дивизии, командиры пехотных и артиллерийских бригад, должны находиться при соответствующих должностных лицах I эшелона, чтобы быть всегда ориентированным в положении дел, на случай вызова вперед.

До ввода в бой 2. эшелон передвигается в строю, отвечающему, двум условиям: гибкости, т.-е. способности приспособиться к требованиям обстановки, и малой уязвимости для неприятельского огня. Для роты лучшим строем будет развернутый и разомкнутый на 3—4 шага, шеренга от шеренги шагах в 150—200, или же змейки.

Если 2. эшелон должен *заменить* I, не закончивший решения своей задачи и остановленный сопротивлением противника, то в таком случае с минуты приближения второго эшелона к

¹⁾ Наставление от 13/16 января 1916 года № 15330.

залегшим частям первого ни о каком маневрировании не может быть речи: атака противника прямым фронтальным движением—единственное решение.

Та позиция, на которой залегли войска I. эшелона образует как бы исходную параллель для частей второго эшелона.

Если замена эшелонов происходит днем, то второй отнюдь не должен задерживаться на позиции первого, во избежание увеличения потерь от скученности расположения и нарушения порядка вследствие перемешивания частей; короткая передышка и вперед. Если же расстояние до противника не превышает, примерно, 150—200 шагов (сфера „атаки“), то лучше пройти сквозь первый эшелон безостановочно.

Боевой порядок и способ действий 2. эшелона после ввода его в бой тождественны с порядками и действиями, применяемыми I. эшелоном. Лишь в одном частном случае возможно некоторое отличие, а именно: если первый эшелон успел настолько выдвинуться вперед, что содействие артиллерии его продвижению заметно ослабло, то тогда части 2 эшелона могут двигаться под прикрытием ружейного огня; особых взводов в цепь не высыпают, а стреляет вся первая шеренга, в этом случае образующая первую волну.

Пулеметы и легкие полковые орудия 2. эшелона должны следовать за последней волной первого, или на линии его поддержки, т. е. впереди своего эшелона.

В. Содействие артиллерии атаке.

Во время атаки пехоты артиллерия продолжает выполнять задачи, разрешавшиеся ею в подготовительный период, за исключением пробития проходов в проволочных заграждениях, т. е. она поражает живую силу—войска, занимающие окопы, разрушает оборонительные построения и подавляет неприятельскую артиллерию. Последняя задача особенно важна, так как все батареи противника, несомненно, обрушатся на атакующую пехоту.

Огонь артиллерии должен как бы предшествовать наступающей пехоте; чем дольше она будет поражать атакуемую линию—тем лучше, но, конечно, при том условии, чтобы артиллерийская стрельба не задерживала продвижения пехоты и не порождала свои войска.

Сверх указанных задач в период атаки у артиллерии возникает и новая задача: устройство заградительного огня. Дело в том, что войска второго и третьего ряда неприятельских окопов не находятся на линии огня, а укрываются сзади в убе-

жищах. Как только прекращается подготовка атаки и начинается штурм, эти войска спешно занимают свои места в окопах. Задача артиллерии атакующего заключается в том, чтобы помешать этому перемещению, создав завесу из рвущихся снарядов между убежищами и окопами. Еще важнее устроить завесу между атакующим и обороняющимся, если последний переходит в контр-атаку; такая завеса должна быть как бы двойною: а) между фронтами атакующего и частями контр-атаки; б) между районом контр-атаки и резервами обороняющегося, выдвигаемыми с тылу вперед для подкрепления контр-атаки. Особенно сильно надлежит обстрелять опушки лесов, окраины деревень, дороги, закрытые подступы, — словом, все те места, которых не могут миновать войска противника, принимающие участие в контр-атаке.

Если атакующий продвинулся далеко вперед от своего исходного положения, то все батареи, которые обстреливали передовые неприятельские окопы и фактически окажутся свободными от своей предыдущей задачи, должны быть двинуты вперед для устройства дополнительных и более действительных огневых завес ¹⁾).

Надо сознаться, что в нашей армии механизм создания завес не был налажен и этим в значительной мере объясняется успех многих контр-атак австро-германцев. Наш главный недостаток в этом отношении заключался в чрезмерном удалении артиллерии от пехоты и в слишком позднем выдвижении батарей на новые позиции.

Ввод в бой резерва.

Увлеченные боем младшие строевые начальники обыкновенно забывают своевременно доносить о положении дел на своем участке. Учитывая это обстоятельство, старший начальник должен командировать нескольких лиц своего штаба в важнейшие районы боя. Лично знакомясь с обстановкой, входя в связь с младшим командным составом, эти лица все время ориентируют старшего руководителя боем в ходе дел. Этим обеспечивается своевременный ввод в бой резерва, или части его, на тех пунктах, где нужна помощь.

Если 1. и 2. эшелоны постигла неудача при атаке, то рассчитывать на конечную победу при содействии резерва трудно;

¹⁾ Перемещение вперед артиллерии благотворно действует на дух атакующей пехоты, вселяя в ней уверенность в окончательном закреплении за собою отбитой у противника местности.

ему придется только прикрыть отход штурмовавших войск. Но если заминка незначительна, то на долю резерва, несомненно, выпадут наступательные действия: он довершит удар, нанесенный обороняющемуся боевою частью, а затем будет преследовать его.

Во всяком случае резерв должен быть всегда готов к участию в деле. *Держать его надо возможно ближе к фронту*; это требование приходится подчеркнуть, так как на русском фронте он очень часто запаздывал, вследствие удаления от боевой части; так в сентябре 1916 года в 8. армии во время наших наступательных операций и контр-атак германцев резерв находился в 12 верстах от линии фронта, т. е. на расстоянии свыше полуперехода.

Атака второй укрепленной неприятельской полосы производится так же, как и первой. После овладения ею и вообще с той минуты, как противник, истощив все свои резервы, не будет в состоянии вести организованную и непрерывную оборону, начинается эксплуатация победы, и систематический способ действий, связанный с позиционной борьбой, заменяется боем с маневром, присущим открытому полю.

В. Клембовский.

Движение на выстрелы.

Многовековая история военного искусства резко разделяла маневрирование на театре войны от маневрирования на поле сражения. В старину считалось одним из основных начал тактики предварительный сбор всех войск, предназначенных для участия в бою, в одну компактную массу, с которой полководец затем уже и предпринимает свой боевой маневр.

К началу XIX века великая французская революция, вместо 40—70-тысячных армий старого режима, выдвинула на поля сражений большие народные армии, успешное применение коих оказалось возможным лишь при новых тактических приемах. Маневрирование с поля сражения начало переноситься на всю обширную арену театра войны.

Типичным образцом такого слияния стратегического и тактического маневра является Бауценская операция Наполеона в весеннем походе 1813 года. Обстановка была такова. Отбив под Люценом попытку внезапного удара русско-прусской армии, Наполеон занял Дрезден и продолжал преследование. Русско-прусская армия держалась близко к австрийской границе, так как велись деятельные переговоры с Австрией о привлечении и этого государства к борьбе с Наполеоном, и политика требовала, чтобы мы далеко не отрывались от наших будущих союзников. Преследуя главными силами отступающую армию, Наполеон выслал в направлении на Торгау-Лукау—Берлин маршала Нея с тремя корпусами, чтобы угрозой захвата столицы Пруссии заставить прусскую армию отделиться от русских войск.

Вечером 15 мая Наполеон получает достоверные сведения, что неприятельская армия, перейдя у Бауцена за реку Шпре, остановилась, окапывается и готовится дать решительное сражение. Наполеон, располагая двумя войсковыми массами, в 100.000 и 60.000 человек, и имея против себя зарывшегося в землю и следовательно отказавшегося от свободного маневри-

рования неприятеля силой в 93.000, решает использовать выгоды своего положения: с тремя корпусами бросает берлинскую дорогу и направляется в обход правого фланга неприятеля, чтобы отрезать ему путь отступления и прижать его к австрийской границе. Так как Ней успеет выйти во фланг и тыл неприятелю только 21 мая, то 19 мая на фронте будут происходить только рекогносцировки, 20 мая после полудня главные силы завяжут на фронте бой, а решительная атака откладывается на 21 мая. Ней, еще до получения приказа Наполеона, по совету Жомини, своего начальника штаба, сворачивает с дороги на Берлин и движется на Хойерсверда.

В этом примере нет предварительного сбора войск перед боем. Находившаяся в отделе армия спешит на выстрелы завязавших на фронте бой частей, и наносит решительный удар.

В действительности Ней не вполне успешно выполнил гениальный замысел Наполеона, вязался в бой против правого русского фланга, не успел пересечь у Гохкирхена последнего пути отступления союзников на Герлиц, и они успели ускользнуть с небольшими потерями. Такой половинчатый исход маневра объясняется отсутствием в ту эпоху каких-либо технических средств связи и проистекавших трудностей оперирования отдельными массами: в бюлетене о Бауценском сражении (официальная реляция для публики, продиктованная самим Наполеоном) отмечается, что еще в 3 часа дня 21 мая вся армия, ведущая атаку, находилась в полной неуверенности в успехе, так как ни в главной массе ничего не было известно о Нее, кроме отдаленного пушечного гула, ни Ней, вышедший с 60.000 преимущественно молодых солдат в тыл много большей армии, не знал результатов двухдневного боя главных сил на фронте, и эта неизвестность, конечно, сильно сковывала энергию даже такого сильного вождя, как Ней.

Но самое широкое распространение движения на выстрелы получило только во вторую половину XIX века, а именно во франко-прусскую войну 1870 года. В этой войне, по крайней мере в первом ее периоде — в борьбе немцев с армиями Наполеона III — войска еще вводились в бой также густо, на таких же узких фронтах, как и за 200 лет перед тем. Корпус получал обыкновенно в сражении участок шириной всего в 2 версты. Между тем, даже в культурной местности, для значительных переходов нельзя наметить сеть параллельных дорог гуще, чем одна дорога на 6 верст фронта. И каждому корпусу желательно было предоставить отдельную дорогу, так как даже без корпусных обозов корпус растягивался по одной дороге на 25 верст

в глубину, и следовательно, при движении двух корпусов по одной дороге, войсковые части растягивались на 50 верст, что помимо весьма чувствительных хозяйственных невзгод, не позволяло развернуть всех боевых сил до второго дня боя. В этих условиях естественно сложилась поговорка: „врознь итти, вместе драться“, смысл коей, в приложении к условиям 1870 года, заключался в том, что фронт марша армии превышал втрое

Схема № 1. Бауцен 1813 г.

фронт тех же сил, развернувшихся для боя. Для того, чтобы попасть на поле сражения, фланговые колонны должны были бросать данные им направления, и облическим (косым), концентрическим движением стягиваться к месту боя. С этой точки зрения, „развертывание“ армии для боя в 1870 году представляется собственно развертыванием из глубины отдельных походных колон; что же касается фронта марша, то он, по существу, при переходе в боевой порядок свертывался. И действительно, сосредоточенные на узких боевых фронтах армии 1870 года

теряли всякую способность к маневрированию. После сражения под Марс-ла-Туром, 16 августа 1870 года, в штабе Мольтке высказывались догадки, куда могла деться французская армия Базена, и высказывались соображения, что никуда она не могла уйти, так как с фронта в 12 верст можно было найти для ее отступления из боя не свыше 3-х дорог, и каждая из них была бы запружена войсками двух корпусов и армейскими обозами верст на 75 в глубину. Французской армии, сосредоточившейся к бою, надо было бы потратить дня 2 или 3, чтобы предварительно разойтись, только тогда она стала бы маневро-способной. Отсутствие этих узких фронтов 1870 года и связанной с ними потери маневро-способности составляет одно из важнейших отличий нашей эпохи, и объясняет, почему теперь войска, не окруженные на поле сражения, гораздо легче, чем прежде, ускользают от преследования и скорее восстанавливают свою способность к бою.

Таким образом, в 1870 году сосредоточение на поле сражения совершалось облически, с более широкого фронта марша. Войсковые массы возрасли весьма значительно, а технических средств связи, которые облегчили бы управление рядом отдельных колонн, не было, и так же отсутствовало, в первые три недели боевых действий, твердое тактическое руководство. Французы отказались от активности и занимали заблаговременно обреченногнотированные позиции. Немцы же, при плохой разведке, неожиданно для себя сталкивались с французскими войсками; имевшиеся тактические задания старших начальников оказывались несоответствующими обстановке, и боевые события развертывались не в соответствии с директивами и приказами сверху, а подчиняясь широко развитому в германской армии началу самостоятельности, частного почина младших начальников. Все сражения первых недель войны — Шпихерн-Форбах, Верт, Коломбье-Нуilly, Марс-ла-Тур, представляют одну и ту же картину: командир бригады авангарда, или прибывший к сторожевым частям начальник штаба корпуса, или начальник дивизии, наткнувшись на неприятеля, выставляет свои батареи и открывает огонь. Гром пушечных выстрелов как бы скликает немцев со всего района марша армии; все походные колонны, бросив указанные им цели, ориентируясь по звуку пушечной пальбы, устремляются помочь своим. К стреляющему батареям непрерывно присоединяются новые батареи и, к полному изумлению командующего армией, большая часть его войск оказывается втянувшейся в бой не в то время и не в том месте, где это им намечалось. При пассивности французского командования, при большом численном перевесе германской

армии, при очень высоком духе пехоты, и многочисленной и превосходной по качеству артиллерии, такой способ действий доставил немцам ряд успехов. Эти бои являются классическим примером торжества инициативы частных начальников, искавших основания для своих решений в первых же доносившихся до них звуках пушечных выстрелов, а не в приказах, получаемых ими от командиров, но указывают и на опасные стороны такого способа управления войсками: руководство боем сразу же ускользает из рук высшего управления, все отданные сверху приказы оказываются или предвосхищенными, или же неприменимыми, устарелыми, и развитие боя получает стихийно-анархический характер. Почти в каждом таком боевом столкновении забывшие о своих заданиях и стремившиеся исключительно на звуки пушечных выстрелов, как бабочки на свет, немецкие части создавали моменты, в которые энергичный французский полководец мог бы нанести им крупное поражение, действуя активно с меньшими силами, но управляемыми единой и твердой волей.

Во вторую половину войны 1870 года, когда в германских войсках наладилась лучше связь и управление стало тверже, движение на выстрелы сохранилось, как принцип, но заняло свое истинное место; превосходство германских войск над только что сформированными, милиционными частями республиканских войск Гамбетты было настолько значительно, что к вопросу о поддержке завязавших бой германских войск можно было относиться хладнокровно, взвешивая каждый раз, не большая ли помощь будет оказана соседу простым исполнением полученной задачи, которое иногда ведет к глубокому обходу неприятеля, тогда как, двигаясь на выстрелы, есть риск выйти, вместо неприятельского фланга, на его фронт.

В другом свете вопрос о движении на выстрелы встает перед нами в обстановке турецкой армии, в войне с Грецией, в 1897 году, в Фессалии. Отдельные турецкие колонны выражали очень мало склонности к поддержанию связи, к поддержке вступившего в бой соседа. Ученик берлинской военной академии, работавший как начальник штаба турецкой армии, отдает перед сражением под Фарсалою следующий приказ по армии: *„все дивизии обязаны поддерживать между собой связь. Если неприятель атакует одну дивизию, соседние дивизии обязаны немедленно ее поддержать или атакуя неприятеля со своей стороны во фланг, или же непосредственно подтягиваясь и усиливая атакованную дивизию. Начальники, которые не выполняют этого требования, будут привлечены к строгой ответственности“.*

Недостаточная подготовка начальников и невысокий дух турецкой армии вели ее к пассивному выполнению полученных сверху приказаний, не считаясь с нуждой соседа в поддержке; пушечный гром не являлся для турецкой армии сигналом к сбору всех сил. Вероятно, находились даже такие начальники, которые, оставаясь в стороне, радовались своему счастью и надеялись, что быть-может, кризис разрешится без их непосредственного участия, и их минует чаша боевых испытаний... По крайней мере, приведенный выше приказ по армии, с угрозами строгой кары, надо рассматривать, как удар шпоры тупому и равнодушному аппарату управления старой турецкой армии.

В русско-японскую войну 1904-5 годов мы не встречаем движения на выстрелы в широкой постановке 1870 года. Широкие фронты боя позволяли на марше вести войска на том же участке, который предназначался для их развертывания в бою. Войска перестали „врознь идти, вместе драться“—и делали то и другое на равных интервалах. Мало подвижный характер войны, слабо выраженное тяготение к маневру, широкие технические средства связи позволяли централизовать управление в гораздо большей степени, чем это было возможно раньше. Но в мелких боях начало движения на выстрелы получило полное подтверждение. Когда полковник Лечицкий 21 июня 1904 года с двумя батальонами атаковал охранение японцев к востоку от реки Ланхэ и выбил одну заставу, все части японского сторожевого охранения оставили свои места, но не затем, чтобы уйти в тыл: соседние заставы немедленно по горам перешли в наступление против флангов колонны полковника Лечицкого, более отдаленные выслали для той же цели сильные офицерские дозоры; когда потесненный с фронта полковник Лечицкий был вынужден отходить по долине, его с гор, слева и справа, начали расстреливать прибывшие на выстрелы хотя и незначительные японские части, и операция против сторожевого охранения японцев обошлась нам в 400 человек убитыми и ранеными.

С нашей стороны примером движения на выстрелы явился маневр Зарайского полка 13 августа 1904 года. Этот полк указано было подтянуть с тыловых инженерных работ через село Вейдягау в селение Кофенцы в резерв правого фланга III Сибирского корпуса, который третий день вел бой. Проходя в нескольких верстах позади оконечности нашего левого фланга, командир Зарайского полка, полковник Мартынов, услышал шум боя и узнал от казаков, что японцы охватили наш правый фланг. Несмотря на удлинение правого фланга частями, выс-

данними из резерва III Сиб. корпуса, положение его было трудное. Оценив обстановку, полковник Мартынов решил, вместо движения в указанное ему место, в резерв на Чандяпу-Кодфынцы, свернуть на Павшегоу, выйти уступом вне нашего фланга и ударить в подставленный ему фланг японцев. Несмотря на некоторые упущения в осуществлении этого решения (перерыв атаки во время налетевшей грозы, остановка после первоначальных успехов вследствие преувеличенных сведений об японской коннице, охранявшей фланг), удар этот, направленный в опаснейшем для неприятеля направлении, заставил отскочить

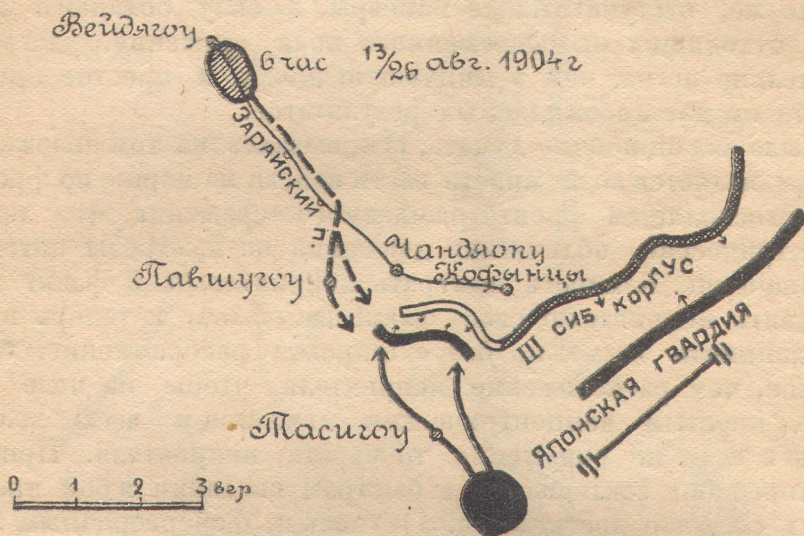

Схема № 2. Отражение охвата в бою под Ландисауем.

весь левый участок японской гвардии, поверг штаб армии Хуроки в большое беспокойство, и вынудил японское управление, чтобы предотвратить общий переход русских в наступление на этом участке поля сражения, пожертвовать несколькими гвардейскими батальонами для безнадежной фронтальной атаки правого крыла III Сибирского корпуса.

В минувшей великой европейской войне 1914-1918 г.г. вопрос о движении на выстрелы получил вновь более широкую постановку. Ширина фронтов увеличилась до еще больших размеров. Армии в 3-4 корпуса, даже в первоначальный маневренный период, развертываются на фронте в 70 верст—в 10 раз более широком, чем занимавшийся такими же силами в 1870 году. Не только не возникает вопроса о движении двух

корпусов по одной дороге, но является возможность каждой дивизии предоставить отдельную дорогу. Войска в бою сохраняют возможность быстро свернуться в походную колонну и исчезнуть. Способность к маневрированию отнимается у армий только при глубоком охвате их неприятельскими частями, как это было с армией Ренненкампа в конце августа 1914 г., когда все отходившие части и обозы были перемешаны на одной дороге близ Вержболово, вследствие хозяйничания германской конницы на более южных путях. Двойные охваты привели к катастрофе большую часть армии Самсонова (2-й) 16-17 августа 1914 г. и армии Сиверса (10-й) в феврале 1915 г. Вообще же, отступательные маневры, в силу большого числа путей, отходящих от современного поля сражения, удавались значительно легче, чем в минувшую эпоху, и простое преследование не давало ожидаемых результатов.

Было бы ошибочно думать, основываясь на том положении, что нам является возможность вести войска на марше на фронте, не превосходящем фронта ожидаемого сражения, что теперь концентрические, облические движения на выстрелы потеряли свое значение. Важность выиграть неприятельский фланг и не подставить неприятелю свой фланг заставляет и теперь перед боем занимать возможно более широкое расположение, более широкое, чем расположение неприятеля, чтобы на поле сражения, простым концентрическим движением всех колонн, добиться если не окружения, то охвата неприятеля. Природа встречного боя заключается в быстром введении в бой превосходящих сил, что достигается: 1) умелым, фейерверочным развертыванием из глубины сил каждой колонны и 2) концентрическим движением всех колонн к завязавшемуся очагу сражения. И там, где обе стороны не отказываются от выгод активности, где обе стороны еще не хотят платить за технические выгоды сидения в окопах отказом от свободы маневрирования, там встречные бои являются нормальным явлением, и сторона, умеющая наиболее разумно организовать сосредоточение своих сил на выстрелы, окажется располагающей огромным плюсом.

Примером движения на выстрелы, во время вторжения армии Самсонова в Восточную Пруссию, являются действия XIII корпуса. Сосед слева, XV корпус, 10/23 августа натывается на сильно укрепленную позицию Орлау-Франкенау, занятую арьергардом XX германского корпуса, и задерживается перед ней до глубокой ночи. Командир XIII корпуса, генерал Клюев, осведомленный шумом сильного боя, подтянув к ночи с 10/23 на 11/24 августа 1. дивизию к Омулефоген, в 10

верстах к востоку от Орлау, двигает ее с рассветом 11/24 августа, в 5 часов, к флангу занимающих позицию Орлау-Франкенау частей XX германского корпуса и вынуждает их к поспешному отступлению. Так как простое фронтальное движение 1-й дивизии на Куркен выводило ее в тыл немцев, дравшихся у Орлау, то, в данном случае, выгоднее было бы, возможно, несворачивать на выстрелы, а ускорить движение на Куркен. Через 2 дня

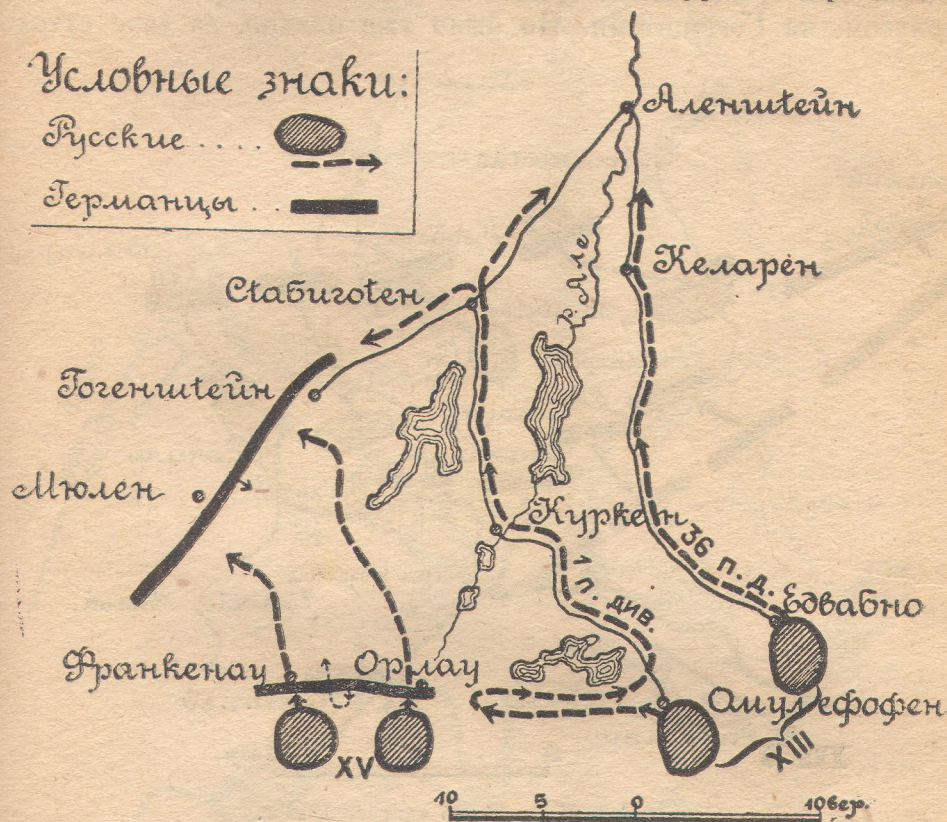

Схема № 3. 11/24—13/26 августа 1914 г.

положение повторяется: у Гогенштейна XV корпус 13/26 августа опять встречает ожесточенное сопротивление неприятеля, а XIII корпус, не имея перед собой неприятеля, оказывается одной дивизией в 9 верстах вне неприятельского фланга, другой в 18 верстах, у Стабиготена и Келарена. Энергичное движение всего XIII корпуса 13 августа во фланг немцам у Гогенштейна могло бы создать для нас весьма благоприятные условия. В виду имевшихся, однако, категорических указаний командующего армией о захвате XIII корпусом железнодорожного узла Алленштейн, почти вовсе не занятого

на востоке противников еще разделяло расстояние в 75 верст. 5. армия получила 12/25 августа задачу помочь XXV корпусом 4. армии непосредственно, переправив его через Вепрь

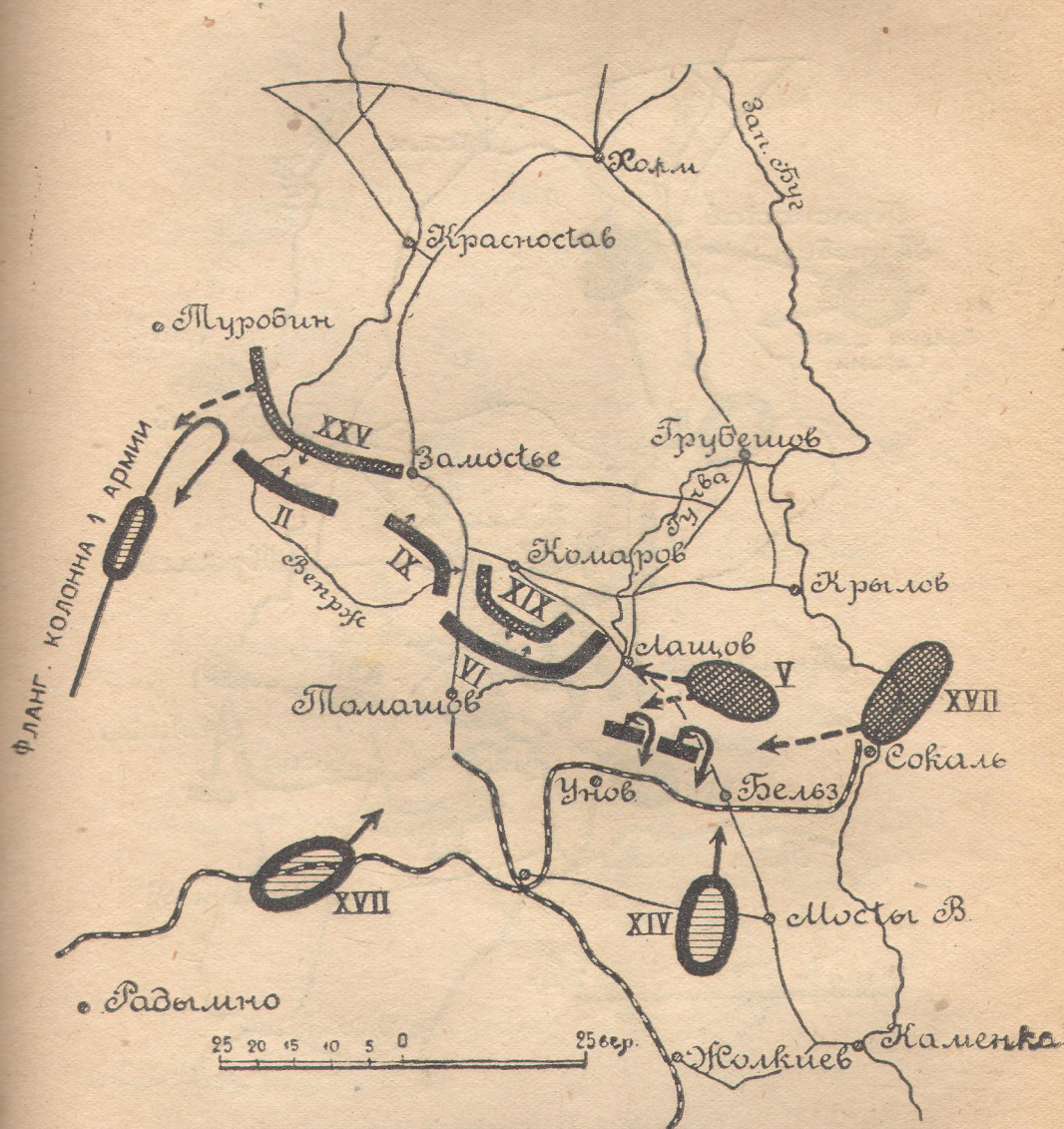

Схема № 5. Утро 14/27 августа 1914 г.

к западу от Замостья, а, для более глубокого охвата наступающих на 4. армию австрийцев, остальные три корпуса на 13/26 августа получили задачу сосредоточиться в направлении Томашева.

13/26 августа наш XIX корпус натывается на правофланговый уступ австрийцев — VI корпус — и теснит его в центре. Но на следующее утро правофланговая дивизия VI корпуса

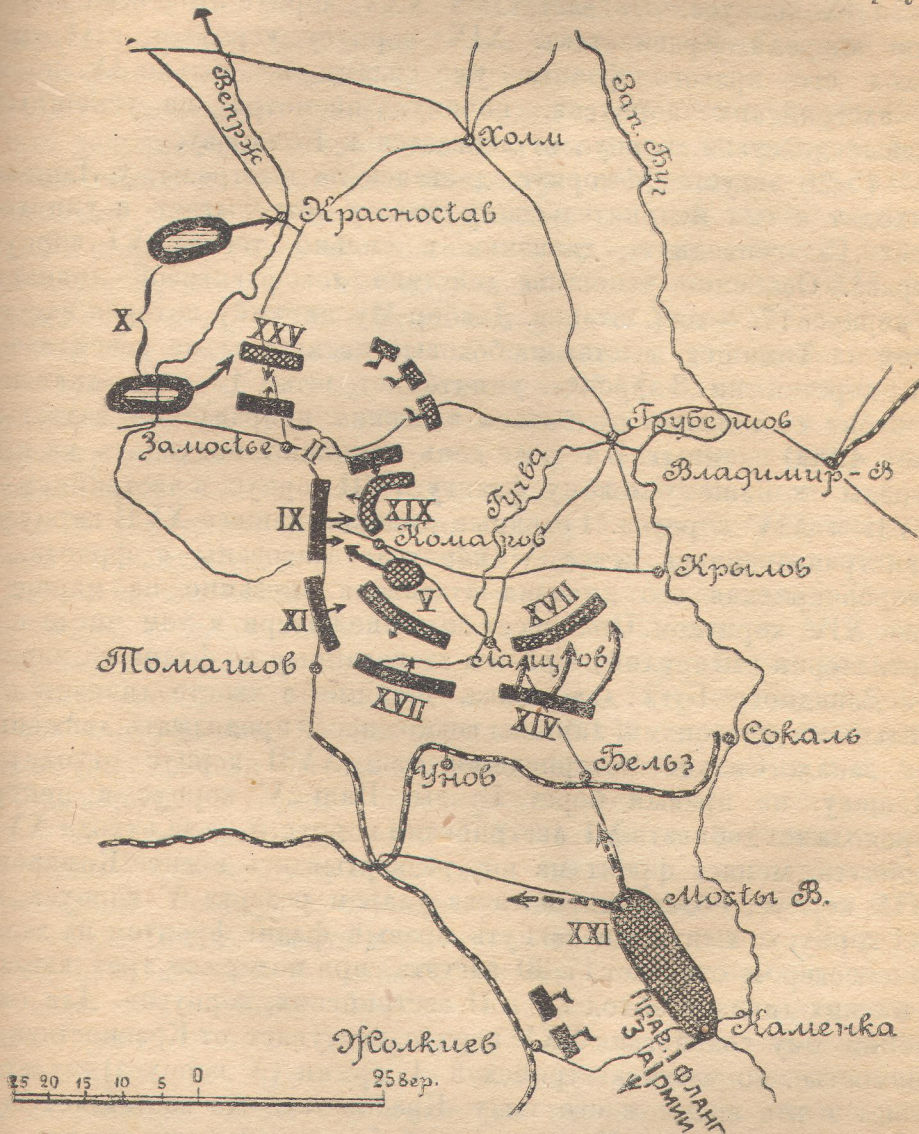

Схема № 7. 17/30 августа 1914 года.

(15. гонведная) глубоко охватывает наш XIX корпус с востока, а IX корпус, не имеющий перед собой противника, высылает одну дивизию на выстрелы для атаки XIX корпуса с запада.

XXV корпус одной дивизией успешно наступает на левом берегу Вепржа для оказания содействия нашей 4. армии,

находящейся в очень трудном положении, но заслон, оставленный им между Вепржем и Замостьем, в составе $1\frac{1}{2}$ дивизий, сбит соединенными усилиями II и подошедшей на выстрелы части IX корпуса. Это заставляет XXV корпус отойти на позицию впереди Красностава. XIX корпусу угрожает глубокий обход его правого фланга уже силами не только IX, но и II австрийских корпусов, почему, несмотря на успешные боевые действия, корпус оттягивается к Комарову.

15/28 августа V корпус, двигаясь на выстрелы, у Лашова выходит в тыл неприятельскому охвату, отрезывает и уничтожает 15. гонведную дивизию, и сильно теснит VI корпус справа. Особенно успешны действия левофланговой дивизии V корпуса (7. — нач. штабов. Довбор-Мусницкий), которая наступает на Томашев, выставляя боковые авангарды на север и на юг, дерется на 3 фронта, уничтожает штаб 15 гонв. дивизии и отбив ее попытку пробиться в южном направлении, захватывает 4.000 пленных. В тот же день начинают подходить на выстрелы к нашему левому флангу XVII корпус, к австрийцам — XVII и XIV корпуса. Головные дивизии нашего XVII корпуса, пристраивающиеся левее V корпуса, атакованы с фронта, а второочередная его дивизия атакована внезапно на марше с юга XIV корпусом. Она несет большие потери, в том числе и в артиллерии (40 орудий), при чем атакованные во фланг на марше от Западного Буга два полка, шедшие в хвосте дивизии отдельными эшелонами, лишены возможности продолжать движение на запад. Сильно потерпевший наш XVII корпус отходит к Лашеву, на правый берег Гучвы. Наш V корпус в центре продолжает добивать VI австрийский корпус, и из за отхода XVII корпуса, меняет фронт на юг, развертываясь южнее Комарова. XIX корпус, облегченный слева ударом резерва V корпуса по XI корпусу, вынужден загнуть правый фланг фронтом на запад и на север, и отбивает 17/30 августа, при поддержке трех кавалерийских дивизий обход IX и II австрийских корпусов. Для оказания ему содействия XXV корпус наступает от Красностава на Замостье, но части австрийской I армии (X корпуса) захватывают в это время в его тылу Красностав, что заставляет корпус вновь отойти. Командующий 5. армией, отчаявшись дожидаться поддержки от соседа слева — 3. армии, решает выпрямить фронт и приказывает войскам отходить сначала на фронт Красностав — Крылов, и затем далее на север, на более близкие к Холму позиции.

Несмотря на то, что австрийцы одержали несколько тактических успехов и выиграли, в конечном счете, некоторое

пространство, стратегический успех оказался на нашей стороне: наша 4. армия получила время оправиться, все австрийские резервы были привлечены и задержаны в районе между Вепржем и Бугом, и нашим армиям Рузского и Брусилова (3. и 8.) была открыта прямая дорога во Львов, в тыл неприятеля, что и давало решение великой Галицийской битве.

Рассматривая действия обеих сторон, столь характерные для современного встречного боя, мы видим непрерывный ряд облических и фланговых движений, непрерывное стремление каждого корпуса помочь соседу, как с русской, так и с австрийской стороны. Особенно решительны и удачны действия нашего V корпуса, который ликвидирует 15/28 августа охват XIX корпуса с востока ¹⁾, 16/29 августа разгружает фронт XIX корпуса, а 17/29 августа помогает ему 2 полками в отражении охвата.

Более трудное было положение XXV корпуса, отделенного значительными промежутками от полей сражения 4. и 5. армий, разыгравшихся правее и левее его, и имевшего перед собой значительные неприятельские силы. 14 августа, при попытке его к движению на запад, на помощь 4. армии, он атакован с юга, и вынужден к отходу. 17/30 августа, при начале его движения на юг, австрийцы ему выходят в тыл с запада. Однако, в общей работе наших войск усилия XXV корпуса не пропали даром, так как в решающие для 4. и 5. армий дни, наш XXV корпус связал действия X, II и отчасти IX австрийских корпусов; в случае пассивных действий XXV корпуса австрийцы, конечно, провели бы охваты левого фланга 4. армии и правого XIX корпуса с гораздо большей энергией.

Наконец действия нашего XVII корпуса показывают нам, с какими опасностями приходится считаться при движении на выстрелы. Вообще, когда две группы сцепились между собой, создается очень благоприятная обстановка для вступления в бой находящейся в стороне, не связанной неприятелем, войсковой части. Можно свободно выбрать большую, чувствительную для неприятеля, точку и ударить в нее, при чем связанный боем противник представляет благодарную и преимущественно неподвижную цель. Но движение на выстрелы явится, чаще всего, фланговым маршем в сфере воздействия неприятеля; необходима тщательная разведка не только к стороне движения, но к стороне, куда обращен наш открытый фланг и тыл. Надо считаться, что на выстрелы будем стремиться подходить не

¹⁾ История войны с германской стороны указывает на такой же пример 4 августа в бою под Сталупененом, в Восточной Пруссии. (См. статью „Значение фланга в бою III армейск. корпуса“).

только мы, но и неприятель, и такой удар, как XIV австрийского корпуса по нашему XVII, всегда возможен. Несомненно, вместо того, что бы наступать на узком фронте, одной кишкой, с эшелонированием в глубокой колонне одних частей за другими, XVII корпусу следовало организовать свой марш на более широком фронте, с высылкой сильных прикрывающих частей влево, на Бельз и Унов. При надлежащей разведке и охране марша, конечно, был бы исключен вовсе случай, когда наши батареи, в походной колонне, были неожиданно обстреляны с нескольких сот шагов наступающими с юга австрийскими цепями.

Сравнивая движения на выстрелы в 1870 и 1914 годах, мы видим, что благодаря телефонам и гораздо более широкому использованию телеграфа и других средств связи, высшему командованию удастся ныне централизовать в большой степени руководство завязкой боя. Но там, где нет почина частных начальников, где, как в 35. и 61. ¹⁾ дивизиях, все ждут ориентировки и приказаний сверху, там войска не наносят удара неприятелю, а подставляют ему свои бока.

У австрийцев мы так же видим стремление к движению на выстрелы, так как в этом движении заключается природа встречного, маневренного боя. Однако, это движение не всегда ведется с должной энергией. 13 августа IX австрийский корпус не оказывает существенной помощи VI корпусу, бездействует, выжидая разъяснения обстановки, 14 августа он дробит свои силы между двумя целями—нашим XXV и XIX корпусами, не приступая еще к решительным действиям, и только 15 августа обращается всеми силами против нашего XIX корпуса, когда уже его сосед справа, VI австрийский корпус, теряет всякую наступательную силу. Более решительное введение в бой IX австрийского корпуса едва ли позволило нашему XIX корпусу так счастливо выбраться из того трудного положения, в котором он оказался.

Дарвин нам дает такое определение дисциплины: „превосходство дисциплинированных солдат над недисциплинированной толпой является, главным образом, следствием доверия каждого к своим товарищам.“ Никакое управление войсками в бою невозможно, если нет так понимаемой дисциплины в командном составе, если у каждого командира, каждого начальника

¹⁾ Второочередная XVII корпуса.

колонны нет такого доверия к его товарищам, ведущим свои части по соседним дорогам. Если каждый командир будет помнить, что худшее для него преступление—обмануть доверие соседа, если каждый вопрос, выдвигаемый боем, будет рассматриваться не с точки зрения узких интересов своей колонны, своей части, а с точки зрения интересов целого, если мысль, как лучше поддержать своих соседей, будет неотступно жить в головах и сердцах начальников, то вся боевая работа станет простой и ясной. Каждый раз, как до слуха начальника донесется шум боя, вопрос о движении на выстрелы, о движении на помощь к своим товарищам, должен быть поставлен в категорической форме. Оставаться бездейственным в то время, когда вблизи решается участь похода—это преступление, более опасное для армии, чем даже измена. Никто не может сослаться на отсутствие приказаний, как на причину, почему он не двинулся на выручку своим. Только получение от высшего начальства особой задачи, привязывающей отряд к определенной дороге, или месту (например, охрана моста или железнодорожной станции), освобождает отряд от обязанности двинуться на поле сражения. Но и в последнем случае дело начальника оценить—не изменилась ли обстановка в такой степени, что выполнение поставленной задачи не является более для интересов армии необходимым, и нет ли возможности, хоть частью войск, принять участие в решении боя.

На доверии к товарищам строится все военное дело, и каждый полк, каждая колонна, вступающая в бой с неприятелем, должны иметь абсолютную уверенность в том, что их не предоставят собственным силам, что каждым выстрелом они не только разят врага, но и скликают подмогу. Один в поле—не воин.

Никто не имеет права быть командиром, если звуки боя не вызывают в нем стремления помоч своим, а наоборот, вызывают оцепенение, вызывают стремление под каким-нибудь кустом переждать со своей частью, пока минует боевая страда. В таком случае честному человеку надо вместо командирского поста занять подчиненное положение, чтобы под началом твердой воли суметь выполнить свой долг.

А. Свечин.